

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева»
(Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод

по книге A Reader`s Guide to Contemporary Literary Theory
название книги на иностранном языке

выходные данные Pearson, 2005
(место издания, год)

перевод стр. с 1 по 4

для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский)

Выполнил:
Ошмарина Оксана Олеговна
Кафедра литературы

Астрахань – 2023 г.

Introduction	Введение
It is now twenty years since Raman Selden undertook the daunting task of writing a brief introductory guide to contemporary literary theory, and it is salutary to consider how much has changed since the initial publication of <i>A Reader's Guide</i> in 1985. In his Introduction to that first edition, it was still possible for Raman to note that, <i>until recently ordinary readers of literature and even professional literary critics had no reason to trouble themselves about developments in literary theory. Theory seemed a rather rarefied specialism which concerned a few individuals in literature departments who were, in effect, philosophers pretending to be literary critics. ...Most critics assumed, like Dr Johnson, that great literature was universal and expressed general truths about human life . . . [and] talked comfortable good sense about the writer's personal experience, the social and historical background of the work, the human interest, imaginative 'genius' and poetic beauty of great literature.</i>	Прошло уже двадцать лет с тех пор, как Раман Селден взял на себя сложную задачу написать краткое руководство по современной теории литературы, и полезно рассмотреть, как много изменилось с момента первой публикации «Руководства для читателей» в 1985 году. В своем Введении к первому изданию Раман отмечал, что: <i>...до недавнего времени рядовым читателям и даже профессиональным литературоведам не было причин беспокоиться о развитии теории литературы. Теория казалась довольно редкой специализацией, которая касалась нескольких людей на факультетах литературы, которые, по сути, были философами, притворяющимися литературоведами... Большинство критиков, подобно д-ру Джонсону, полагали, что великая литература была универсальной и выражала общие истины о человеческой жизни... [и] говорилось о здравом смысле в отношении личного опыта писателя, социального и исторического фона произведений, человеческого интереса, творческого «гения» и поэтической красоте великой литературы.</i>
For good or ill, no such generalizations about the field of literary criticism could be made now. Equally, in 1985 Raman would rightly point to the end of the 1960s as the moment at which things began to change, and comment that 'during the past twenty years or so students of literature have been troubled by a seemingly endless series of	Хорошо ли это или плохо, в настоящее время невозможно делать подобных обобщений в области литературной критики. В равной степени в 1985 году Раман справедливо указывает на конец 1960-х годов как на момент, когда все начало меняться, и заметил, что «в течение последних двадцати лет или около того студенты-литературоведы были обеспокоены, кажущимся

challenges to the consensus of common sense, many of them deriving from European (and especially French and Russian) intellectual sources.

To the Anglo-Saxon tradition, this was a particularly nasty shock.'

But he could also still present 'Structuralism' as a newly shocking 'intruder in the bed of Dr Leavis's alma mater' (Cambridge), especially a structuralism with 'a touch of Marxism about [it]', and note the even more outré fact that there was already 'a poststructuralist critique of structuralism', one of the main influences on which was the 'psychoanalytic structuralism' of the French writer, Jacques Lacan.

All of which, he could say at the time, 'only confirmed ingrained prejudices'.

No criticism of Raman, of course – indeed, that he could say this is to make the very point – but such a conjuncture within 'English' or Literary Studies now seems to belong irrevocably to the dim and distant past.

As later pages of the present introduction attest, over the last twenty years a seismic change has taken place which has transformed the contours of 'contemporary literary theory', and which has therefore required a reconfiguration of A Reader's Guide to match.

бесконечным рядом вызовов к консенсусу здравого смысла, связанного с изучением литературы, многие из которых восходят к европейским (особенно французским и русским) интеллектуальным источникам.

Для англо-саксонской традиции это было особенно неприятным потрясением».

Но он также смог представить «Структурализм» как новое шокирующее «вторгшееся в постель альма-матер доктора Ливиса» (Кембридж), особенно структурализм с «оттенком марксизма [в этом]», и отметить еще более вопиющий факт: существование «постструктуралистской критики структурализма», большое влияние на которую оказал «психоаналитический структурализм» французского писателя Жака Лакана.

Все это, как он мог сказать в то время, «лишь подтверждало укоренившиеся предрассудки».

Никакой критики Рамана, конечно, – на самом деле, то, что он мог сказать, это для того, чтобы указать суть, – но такая конъюнктура в «английском» или литературных исследованиях теперь, кажется, безвозвратно принадлежит смутному и далекому прошлому.

Как свидетельствуют более поздние страницы настоящего Введения, за последние двадцать лет произошли кардинальные изменения, изменившие контуры «современной теории литературы» и, следовательно, потребовавшие соответствующей перестройки «Руководства для читателей».

Nevertheless, we retain – along with, it is only fair to note, a good proportion of what Raman originally wrote in the first editions of the book – a commitment to many of his founding beliefs about the need for a concise, clear, introductory guide to the field. We might add that the constant fissurings and reformations of contemporary theory since seem to reconfirm the continuing need for some basic mapping of this complex and difficult terrain, and the Guide’s widespread adoption on degree courses throughout the English-speaking world also appears to bear this out.	Тем не менее, наряду, мы сохраняем, справедливо отметить, значительную часть того, что Раман первоначально написал в первых изданиях книги – приверженность многим из его основополагающих убеждений о необходимости краткого, ясного, вводного руководства в области. Мы могли бы добавить, что постоянные расколы и реформы современной теории с тех пор, как кажется, подтвердилась постоянная потребность в базовом отображении этого комплекса и труднопроходимости территории, и широкое распространение «Руководства» на курсах повышения квалификации во всем англоязычном мире, похоже, это подтверждает.
It goes without saying, of course, that ‘theory’ in the fullest generic sense is not a unique product of the late twentieth century – as its Greek etymology, if nothing else, clearly indicates. Nor, of course, is Literary or Critical Theory anything new, as those will confirm who studied Plato, Aristotle, Longinus, Sidney, Dryden, Boileau, Pope, Burke, Coleridge and Arnold in their (traditional) ‘Literary Theory’ courses. Indeed, one of Raman Selden’s other (edited) books is entitled <i>The Theory of Criticism from Plato to the Present: A Reader</i> (1988).	Само собой разумеется, что «теория» в самом полном родовом смысле не является уникальным продуктом конца двадцатого века, на что ясно указывает его греческая этимология. Конечно, литературная или критическая теория не является чем-то новым, как подтвердят те, кто изучал Платона, Аристотеля, Лонгина, Сиднея, Драйдена, Буало, Поупа, Берка, Кольриджа и Арнольда в своих (традиционных) курсах «литературной теории». Действительно, одна из других (отредактированных) книг Рамана Селдена называется «Теория критики от Платона до наших дней: читатель» (1988).
Every age has its theoretical definitions of the nature of literature and its theorized principles on which critical approaches to the analysis of literature are premised. But in the 1980s, Fredric Jameson made a telling observation in his essay,	Каждая эпоха имеет свои теоретические определения природы литературы и принципы, на которых основываются критические подходы к анализу литературы. Но в 1980-х годах Фредрик Джеймисон в своем эссе «Постмодернизм и общество

‘Postmodernism and Consumer Society’ (in Kaplan (ed.), 1988: see ‘Further reading’ for Chapter 8); he wrote: ‘A generation ago, there was still a technical discourse of professional philosophy ... alongside which one could still distinguish that quite different discourse of the other academic disciplines – of political science, for example, or sociology or literary criticism. Today, increasingly, we have a kind of writing simply called “theory” which is all or none of these things at once.’	потребления» сделал красноречивое наблюдение (в Kaplan (ed.), 1988: см. «Дополнительная литература» в главе 8); он писал: «Поколение назад все еще существовал технический дискурс профессиональной философии... рядом с которым еще можно было различить тот совсем иной дискурс других академических дисциплин, например, политической науки, или социологии, или литературной критики. Сегодня у нас все чаще встречается разновидность письменности, называемая просто «теорией», которая представляет собой все или ничего из этого одновременно».
This ‘theoretical discourse’, he goes on, has marked ‘the end of philosophy as such’ and is ‘to be numbered among the manifestations of postmodernism’. The kinds of originary theoretical texts Jameson had in mind were those from the 1960s and 1970s by, for example, Barthes, Derrida, Foucault, Lacan, Althusser, Kristeva, together with earlier ‘remobilized’ texts by, among others, Bakhtin, Saussure, Benjamin and the Russian Formalists.	Этот «теоретический дискурс», продолжает он, ознаменовал «конец философии как таковой» и «должен быть причислен к проявлениям постмодернизма». Типы исходных теоретических текстов, которые имел в виду Джеймсон, были текстами 1960-х и 1970-х годов, например, Барта, Деррида, Фуко, Лакана, Альтюссера, Кристевой, а также более ранние «ремобилизованные» тексты, среди прочих, Бахтина, Соссюра, Беньямин и русских формалистов.
Through the 1980s and 1990s, this process seemed to compound itself in self-generating fashion, with ‘Theory’ (now adorned by a tell-tale capital ‘T’) being put on the syllabus by a plethora of Readers, Guides and introductory handbooks. Certainly in ‘English’ – plunged into a permanent state of ‘crisis’ (but only, it appeared, for those who did not want to countenance change) – ‘Theory’ courses became de rigueur, prompting one of the central and unresolved debates in that discipline	В течение 1980-х и 1990-х годов этот процесс, казалось, усугублялся самопроизвольно, когда «Теория» (теперь украшенная контрольной заглавной «Т») была включена в программу множества книг для чтения, руководств и вводных руководств. Конечно, в «английском языке» – погруженном в перманентное состояние «кризиса» (но, как оказалось, только для тех, кто не хотел мириться с изменениями) – курсы «Теории» стали обязательными, вызвав один из

at least: 'How to Teach Theory' (more on this later).	центральных и неразрешенных споров в, по крайней мере, этой дисциплине: «Как преподавать теорию» (подробнее об этом позже).
This period (c.late 1960s to late 1990s), we may call 'Theorsday' – or, more recognizably, 'The Moment of Theory' – a historically and culturally specific phenomenon coterminous with Poststructuralism, Postmodernism and the sidelining of materialist politics, a period which, it now seems, has been superseded by one declared 'post-Theory' (see below and the Conclusion to the present volume)	Этот период (примерно с конца 1960-х до конца 1990-х) мы можем назвать «Днем Теории» – или, что более узнаваемо, «Моментом Теории» – исторически и культурно специфическим явлением, совпадающим с постструктурализмом, постмодернизмом и отодвиганием на второй план материалистической политики, период, который, как теперь кажется, был заменен одной объявленной «пост-теорией» (см. ниже и Заключение к настоящему тому).
But back in 1985, Raman Selden's impetus in writing A Reader's Guide was because he believed that the questions raised by contemporary literary theory were important enough to justify the effort of clarification, and because many readers by then felt that the conventional contemptuous dismissal of theory would no longer do.	Но еще в 1985 году импульсом Рамана Селдена к написанию «Руководства для читателей» было то, что он считал вопросы, поднятые современной теорией литературы, достаточно важными, чтобы оправдать усилия по разъяснению, и потому, что многие читатели к тому времени чувствовали, что традиционное пренебрежительное игнорирование теории больше не годится.
If nothing else, they wanted to know exactly what they were being asked to reject.	Во всяком случае, они хотели точно знать, от чего их просят отказаться.
Like Raman, we too assume that the reader is interested by and curious about this subject, and that s/he requires a sketch-map of it as a preliminary guide to traversing the difficult ground of the theories themselves.	Подобно Раману, мы тоже предполагаем, что читателю интересен и любопытен этот предмет, и что ему/ей требуется схематическая карта этого предмета в качестве предварительного руководства для преодоления трудной почвы самих теорий.
Apropos of this, we also firmly hold that the	В связи с этим мы также твердо уверены, что Разделы «Избранное для чтения» в конце каждой главы со

‘Selected Reading’ sections at the end of each chapter, with their lists of ‘Basic Texts’ and ‘Further Reading’, are an integral part of our project to familiarize the reader with the thinking which has constructed their present field of study: the Guide, in the beginning and in the end, is no substitute for the original theories.	списками «Основных текстов» и «Дальнейшего чтения» являются неотъемлемой частью нашего проекта по ознакомлению читателя с мышлением, которое сформировало его нынешнюю область исследования: «Руководство...», в начале и в конце, не заменяет оригинальных теорий.
Inevitably, any attempt to put together a brief summation of complex and contentious concepts, to say much in little, will result in oversimplifications, compressions, generalizations and omissions. For example, we made the decision when revising the fourth edition that approaches premised on pervasive linguistic and psychoanalytic theories were best dispersed throughout the various chapters rather than having discrete sections devoted to them.	Неизбежно, что любая попытка кратко обобщить сложные и спорные понятия, сказать много в малом, неизбежно приведет к упрощениям, сжатиям, обобщениям и упущениям. Например, при пересмотре четвертого издания мы приняли решение, что подходы, основанные на широко распространенных лингвистических и психоаналитических теориях, лучше всего распределить по разным главам, а не посвятить им отдельные разделы.
‘Myth criticism’, which has a long and varied history and includes the work of Gilbert Murray, James Frazer, Carl Jung, Maud Bodkin and Northrop Frye, was omitted because it seemed to us that it had not entered the mainstream of academic or popular culture, and had not challenged received ideas as vigorously as the theories we do examine.	«Мифокритика», имеющая долгую и разнообразную историю и включающая в себя работы Гилберта Мюррея, Джеймса Фрейзера, Карла Юнга, Мода Бодкина и Нортропа Фрая, была опущена, поскольку нам казалось, что она не вошла в основное русло академической или популярной культуры, и не подвергала сомнению общепризнанные идеи так решительно, как теории, которые мы исследуем.
The chapter on New Criticism and F. R. Leavis comes before the one on Russian Formalism when even a cursory glance will indicate that chronologically the latter precedes the former.	Глава о новой критике и Ф.Р. Ливисе предшествует главе о русском формализме, когда даже беглый взгляд укажет, что хронологически последний предшествует первому.
This is because Russian Formalism, albeit mainly produced in the second	Это связано с тем, что русский формализм, хотя и созданный в

two decades of the twentieth century, did not have widespread impact until the late 1960s and the 1970s, when it was effectively rediscovered, translated and given currency by Western intellectuals who were themselves part of the newer Marxist and structuralist movements of that period.	основном во второй половине двадцатого века, не имел широкого влияния до конца 1960-х и 1970-х годов, когда он был заново открыт, переведен и введен в обиход западными интеллектуалами, которые сами были частью более новых марксистских и структуралистских движений того периода.
In this respect, the Russian Formalists ‘belong’ to that later moment of their reproduction and were mobilized by the new left critics in their assault, precisely, on established literary criticism represented most centrally, in the Anglo-Saxon cultures, by New Criticism and Leavisism. Hence, we present the latter as anterior to Formalism in terms of critical theoretical ideology, because they represent the traditions of criticism, from the outset and principally, with which contemporary critical theory had to engage.	В этом отношении русские формалисты «принадлежат» к этому более позднему периоду своего восстановления и были привлечены новыми сторонними критиками в их нападках именно на устоявшуюся литературную критику, наиболее представленную в англо-саксонских культурах новой критикой и левизизмом. Следовательно, мы представляем последний как предшествовавший формализму в терминах критической теоретической идеологии, потому что они представляют традиции критики, с самого начала и в основном, с которыми должна была иметь дело современная теория критики.
In any event, while the Reader’s Guide does not pretend to give a comprehensive picture of its field, and cannot be anything other than selective and partial (in both senses), what it does offer is a succinct overview of the most challenging and prominent trends within the theoretical debates of the last forty years.	В любом случае, хотя «Руководство для читателей» не претендует на исчерпывающую картину в своей области и не может быть ничем иным, как выборочным и частичным (в обоих смыслах), то, что оно предлагает, – это краткий обзор наиболее сложных и заметных тенденций в теоретических дискуссиях последних сорока лет.